

ПЕТР ВЛАСОВ ОЛЬГА ВЛАСОВА

МАРИУС

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 6

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Б58

Власов П., Власова О.

Б58 Мариус : [роман] / Петр Власов, Ольга Власова. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2026. — 137 с. — (Серия «Волчок»).

ISBN 978-5-524-02207-3

Что, если бы в современной Дании почти не осталось церквей, нельзя было читать Библию, а датчане перестали бы говорить о смерти и о переживаниях, с ней связанных? В романе Петра и Ольги Власовых все так и происходит. Но Кристиан, обыкновенный копенгагенский подросток, испытывает потребность говорить о смерти, когда внезапно умирает его дедушка Нильс. Мальчик отказывается верить, что и его однажды не станет, ведь он чувствует: смерть — не абсолютный конец. Бабушка Анникен рассказывает ему о книге, в которой раньше люди искали ответы на свои вопросы, — о Библии. Именно с попытки ее раздобыть начинается для Криса череда увлекательных и даже опасных приключений...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-524-02207-3

© Власов П. В., Власова О. А., 2026
© Оформление.
ООО «Руграм»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2026

*В память о жирафе Мариусе,
публично убитом в зоопарке Копенгагена
в феврале 2014 года*

Уже лет с восьми я знал о том, что со мной что-то не в порядке. Этот факт, тщательно скрываемый от окружающих, ужасал моих родителей до такой степени, что они буквально посадили меня под домашний арест. Я почти не общался не только со своими сверстниками, но и вообще с кем-то за пределами собственной семьи. Отец, мать, тетка (сестра отца), две бабки и дед, которые время от времени приезжали навестить нас в Копенгаген. Собственно, все и началось с одного из родственников. Со второго деда, Нильса, отца моего отца. Однажды вечером в доме раздался звонок. Кто-то поговорил с отцом, после чего тот тяжело присел за круглый обеденный стол на кухне и пробормотал:

— Ну вот, Кристиан, и не стало твоего деда.

— Как это — не стало?

Тут к столу подошла мать, села рядом с ним, обняла его за плечи. Сказала мне, стараясь улыбаться:

— Помнишь, вчера у тебя сломалась машинка? Колесо отлетело так, что не приделать. Машинка больше не может ездить. Так и человек: ломается, и все — больше не может ни ходить, ни говорить. Когда человек ломается, он начинает плохо пахнуть, потому его кладут в печку и сжигают. Остается только кучка золы.

Я вспомнил фотографию деда Нильса — седого, борода-того, огромного, как скала на берегу моря, — и никак не мог

понять, как же все это превратится в жалкую кучку золы. Потом сами по себе глаза набухли слезами. Когда мать увидела это, она тут же сердито закричала:

— Ты что? Нельзя плакать! В этом нет ничего страшного! Так произойдет с каждым из нас, только спустя много-много времени. Так уж устроена природа. Сейчас мы есть — но когда-то нас не станет. Мы все случайно появились на свет по воле законов природы и снова растворимся в ней. Это, конечно, неприятный факт, но изменить его нельзя.

В словах матери было что-то неизмеримо тяжелое, что тут же отдавило у меня внутри всякую радость жизни. Я растерянно стоял посередине комнаты и пытался представить: как это — меня не будет? Ведь весь мир вокруг — он, на самом деле, это я сам. Я вижу его своими глазами, слышу своими ушами, чувствую своим носом. Если не станет меня, то и не будет всего вокруг! Помню, я сел в своей комнате на кровать и долго плакал, представляя, как *ничего не будет*. Но прошло с полчаса, и внутри словно начала подниматься теплая, сильная волна, которая тащила меня вверх из глубин отчаяния, куда я погрузился. В какой-то момент я вынырнул на поверхность, снова уловил свет солнца — и тут же прозрел.

— Я никогда не умру! — закричал я, вбегая в комнату к родителям. Они в ужасе долго смотрели на меня, потом начали суетиться и искать какие-то таблетки. Таблетки были жутко горькие, поэтому после них мне сделали сладкий чай. Потом я заснул, и мне приснился странный сон: дед Нильсен, который вдруг, как дерево, вырастал обратно из кучки золы и долго тряс мне руку, приговаривая:

— Да, это правда, ты никогда, никогда не умрешь!

II

Родители поначалу пытались скрывать мою болезнь. Перво-наперво запретили говорить с кем бы то ни было *о смерти*. Даже произносить само это слово, которое, сказали они мне, уже давно не употребляют в приличном обществе. Это все равно, что ляпнуть в речи на торжественном приеме в честь королевы «харя» или «задница». Про умерших упоминают иносказательно — «он ушел» или «его больше нет с нами».

— В старину люди придавали этому событию слишком большое значение, — объяснил мне причину отец. — Смерть ужасала наших предков, парализовала их волю. Они все время думали о смерти, потому не могли полноценно наслаждаться жизнью. На самом деле в смерти нет ничего особенного. Зачем вообще думать о ней, раз она неизбежна, как неизбежен конец дня и наступление ночи. Не разумнее ли полностью отдаться радостям жизни? Как ты думаешь?

Я, конечно же, согласно кивнул головой, но про себя подумал вот что: из своих предков мне лично много доводилось общаться с дедом Нильсом и маминной мамой, бабушкой Анникен (неизвестно почему, но родители дали ей норвежское имя). Так вот, и ни у того, ни у другого я никогда не замечал каких-то признаков постоянного страха. Дед всегда много шутил, хохотал сам над своими шутками так, что у меня звенело в ушах. Бабушка — полная, румяная, будто

сама только что из духовки, — пекла на рождество чудесный кридкакке* с пряностями, а еще на дни рожденья всех членов семьи — пироги с яблоками и рыбой. Поверьте, когда тоскуешь и ожидаешь чего-то ужасного, просто невозможно испечь такие чудесные пироги!

Но чтобы удостовериться наверняка, я решил все-таки обо всем расспросить саму бабушку Анникен, когда она в очередной раз заглянула в нашу квартиру с высокими окнами и старыми скрипучими полами на улице Столтессен в Копенгагене. Это совсем недалеко от центральной площади, где зимой устанавливают рождественскую елку и заливают каток.

— Фру Анникен (по непонятно откуда взявшейся традиции я называл бабушку именно так и никак иначе), фру Анникен, могу я у тебя кое-что спросить?

Бабушка, что как раз опустошала на кухне сумку, заполненную пластиковыми коробками со свежее испеченными пирогами, тут же с готовностью улыбнулась:

— Конечно, мой принц Датский! (Бабушка Анникен, в свою очередь, неизменно именovala меня *принц Датский* и даже сама не помнила, откуда это повелось).

— Папа говорит, что в ваше время все боялись смерти и оттого не могли ничему как следует радоваться. Это правда?

Рука бабушки с запотевшей от теплых пирогов пластиковой коробкой замерла на секунду в воздухе. Потом, все-таки поставив ее на стол, она сказала:

— Ты задаешь неожиданные вопросы, Крис.

— Но дети обычно интересуются всем на свете. Ведь они здесь новички. И?

* Шведский пирог.